

ПЕТЕРБУРГСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ФОРУМ

20—22 июня 2013

**Новые катализаторы изменений
СРЕДНИЙ КЛАСС СТРАН БРИКС НАБИРАЕТ СИЛУ
Панельная сессия**

20 июня 2013

09:45—11:00, Павильон 4, Конференц-зал 4.3

Санкт-Петербург, Россия

2013

Модератор:

Чарльз Робертсон, Главный экономист, Renaissance Capital

Выступающие:

Чандра Банерджи, Генеральный директор, Конфедерация индийской промышленности (CII)

Сергей Борисов, Вице-президент по развитию малого бизнеса, Сбербанк России

Сергей Катырин, Президент, Торгово-промышленная палата Российской Федерации

Джордж Магнус, Старший экономический советник, UBS Investment Bank; автор книги «Подъем» (Uprising)

Ху Шули, Главный редактор, Caixin Media Company

Ч. Робертсон:

Уважаемые дамы и господа, благодарю вас, что нашли время прийти на нашу встречу, посвященную среднему классу. Я высоко ценю влияние среднего класса. Думаю, все собравшиеся могут считать себя его представителями. Мы можем гордиться собой, поскольку именно на средний класс приходится львиная доля общего достатка, сбережений и инвестиций. Представители среднего класса добиваются повышения стандартов образования, заботясь тем самым о будущем наших детей. По мере того, как средний класс растет, уровень коррупции, как правило, снижается: это связано с общим желанием добиться большей прозрачности в секторе государственного управления. Но это порождает и новые вызовы. Мы начинаем хотеть большего от наших правительств. Мы добиваемся увеличения инвестиций в образование. Нам бы хотелось, чтобы на пенсионное и социальное обеспечение выделялось больше средств, что, в свою очередь, может создать определенные проблемы в будущем. Возможно, те трудности, с которыми сегодня столкнулась Европа, связаны как раз с многочисленным средним классом.

На нашей встрече присутствуют представители многих стран. Чандра Банерджи представляет Конфедерацию индийской промышленности (CII). Экономика Индии в последние десять лет демонстрирует впечатляющий рост. Население этой страны превышает миллиард человек, и я считаю, что рост индийского среднего класса может привести к изменениям во всем мире. Китай на нашей встрече представляет Ху Шули. В этой стране с населением более миллиарда человек отмечен высокий уровень ВВП на душу населения, и Китай уже меняет мир. Мы можем судить об этом по мировым ценам на сырьевые товары. В качестве стороннего наблюдателя мы пригласили Джорджа Магнуса, бывшего старшего экономического советника банка UBS, а также эксперта в области формирующихся рынков. Мы рады, что здесь присутствуют и два представителя России: Сергей Борисов, вице-президент по развитию малого бизнеса Сбербанка России, и Сергей Катырин из Торгово-промышленной палаты Российской Федерации.

Позвольте мне сначала предоставить слово Джорджу Магнусу. Господин Магнус, в течение нескольких лет Вы изучили множество стран с формирующимся рынком. Возможно, Вы поделитесь с нами своими мыслями о среднем классе и его значении для мира в целом.

Дж. Магнус:

Благодарю Вас, господин Робертсон. Доброе утро, дамы и господа! По данным международных организаций, на сегодняшний день во всем мире к среднему классу принадлежат около 1,8 миллиарда человек. Их доход составляет от 10 до 100 долларов США в день. Согласно прогнозу МВФ, численность среднего класса к 2020 году вырастет до 3,25 миллиарда человек, а к 2030 году приблизится к отметке в пять миллиардов. Более 75% увеличения общей численности среднего класса будет достигнуто за счет стран Азии. Безусловно, это имеет большое значение, поскольку мы связываем рост среднего класса со всем тем, что несет в себе движущую силу экономического роста. Сюда можно отнести предпринимательство, инновации, усовершенствования, модернизацию и прочее. Если взглянуть на цифры более пристально, то можно увидеть, что, к примеру, доля представителей среднего класса в США и Западной Европе (которая сегодня составляет примерно 48—50% от общей численности среднего класса) в будущем составит примерно 22%. Таким образом, если верить вашим сводным таблицам, то перспектива следующих 20 лет — это «верняк», как говорят в американском баскетболе. Другими словами, это неизбежно и обязательно произойдет.

Но, с моей точки зрения, еще не все predetermined: об этом мне и хотелось бы поговорить. Основываясь на одной лишь статистике, нельзя утверждать, что все сложится именно так. Тем более нельзя быть уверенным в том, что этот сценарий повторится во всех странах. Как отметил в начале сессии господин Робертсон, рост среднего класса может нести в себе разрушительный потенциал с социальной и экономической точек зрения. Конечно же, мы всячески будем приветствовать этот рост, но вместе с этим мы должны сознавать и возможные последствия. Ключевой

момент заключается в том, что рост численности среднего класса не зависит от ВВП и наших оптимистичных прогнозов, которые мы даем исходя из сложившейся ситуации. Последние 20 лет не обязательно считать хорошим ориентиром для развития в будущем, так как любой рецепт финансового благополучия — это информация мелким шрифтом внизу документа. Ключевой момент, который нам еще предстоит обсудить, заключается в том, что развитие среднего класса напрямую зависит от политической обстановки, а также от наличия сильных, устойчивых институтов государственного управления и оптимального соотношения функций государства и частного сектора. Без динамично развивающегося частного сектора ни предпринимательство, ни новаторство существовать не могут. Необходимо оптимизировать структуру торгового баланса, чтобы иметь возможность вкладывать капитал в различные секторы, способные принести стране прибыль, что в конечном итоге позволит ей накапливать и инвестировать средства. Эти и другие вопросы мы еще затронем в ходе дискуссии.

По сути, у нас есть уникальная возможность значительно повысить мировое благосостояние в течение последующих 20 лет, поскольку все больше людей войдет в состав так называемого среднего класса по оценке дохода на душу населения. Но я не думаю, что мы должны исходить из того, что это будет происходить повсеместно или линейно.

Ч. Робертсон:

Перейдем к Индии, стране с самыми высокими показателями. Несмотря на высочайшие абсолютные показатели, ВВП на душу населения в этой стране составляет менее двух тысяч долларов США на человека. В России, Бразилии или Польше, например, эта цифра колеблется от 10 до 12 тысяч, так что Индии есть куда расти. Правда, в последние 12 месяцев темп роста экономики замедлился. Господин Банерджи, расскажите, как Вы видите дальнейшее развитие Индии?

Ч. Банерджи:

Благодарю Вас. Я рад снова приехать на Форум, на который приезжаю каждый год. Выражаю признательность за это приглашение от лица всех представителей Индии. Позвольте мне сначала рассказать о развитии среднего класса в нашей стране. Мы уже познакомились с глобальной статистикой, позвольте мне представить данные по Индии. На сегодняшний день 31 миллион индийских домохозяйств относится к среднему классу, то есть имеет средний доход. Если мы посмотрим на темп роста среднего класса за последние несколько лет, то обнаружим, что в 1995 году число домохозяйств со средним доходом составляло 4,6 миллиона. Не так давно, в 2005 году, к среднему классу относились 13 миллионов домохозяйств, а сегодня мы уже говорим о 31 миллионе. К 2025 году это число должно вырасти до 125—130 миллионов. Говоря о приросте количества домохозяйств среднего класса в Индии, мы имеем дело с огромными, впечатляющими цифрами. По нашим прогнозам, через пять лет к данной категории будут относиться около 265 миллионов человек. Это весьма внушительная цифра. Вместе с тем, через десять лет, согласно ожиданиям, численность среднего класса (то есть людей со средним доходом) составит от 500 до 550 миллионов человек.

Индия по-своему уникальна, и мне хотелось бы рассказать о некоторых ее особенностях. Во-первых, в Индии достаточно молодое население, и преобладающую часть среднего класса составляет именно молодежь. Люди моложе 25 лет составляют 50% от общего числа населения. Возраст более двух третей индийцев — моложе 35 лет. Большинство этих людей, как я уже отметил, относятся к среднему классу.

Во-вторых, около 65% жителей нашей страны находится в трудоспособном возрасте от 15 до 64 лет, и большинство из них, опять-таки, относится к среднему классу. Это дает стране значительное преимущество с точки зрения конкурентоспособности и стоимости рабочей силы. Это очень важная цифра. Что касается объема индийской экономики, то к 2050 году наш темп роста трудоспособного населения будет самым высоким в мире, и большинство этих людей, повторюсь, будет представлять средний класс.

Третья сфера, на которую средний класс в Индии оказывает большое влияние, — образование и профессиональная подготовка. Говорят, в Индии нет безработицы, но есть не способное к труду население. На сегодняшний день это очень важный вопрос, и государство, объединившись с частным сектором, должно обратить внимание на средний класс, чтобы к 2020 году он увеличился до 500 миллионов человек. Как видите, у нас высокие показатели, амбициозные цели, и от среднего класса будет зависеть то, как будет повышаться уровень образования, как будут осуществляться соответствующие государственные программы по повышению уровня образования и профессиональной подготовки. Это, в свою очередь, сократит безработицу и повысит уровень подготовки трудоспособного населения, что позволит укрепить позиции среднего класса. Я считаю, что это чрезвычайно важный фактор, требующий внимания.

Четвертый аспект — это урбанизация, которая все больше влияет на становление рынка. Процесс урбанизации в Индии, опять же, неразрывно связан с ростом среднего класса. Впервые в истории темпы роста городского населения в Индии превзошли темпы роста сельского населения. Опять-таки, среди городских жителей господствует средний класс. В этом году численность населения 87 городов превысит отметку в один миллион человек. Это рекордный показатель. Нужно ли говорить о том, что бóльшую часть населения составляет средний класс? Таким образом, мы считаем, что средний класс определяет развитие этих составляющих. В завершение мне бы хотелось коснуться еще трех вопросов: технологий, социальных сетей и взаимодействия.

Ч. Робертсон:

Мы к этому еще вернемся. Позвольте передать слово госпоже Ху. Насколько мне известно, Вы тоже говорили о том, что урбанизация является частью процесса развития среднего класса в Вашей стране. Не могли бы Вы коротко охарактеризовать ситуацию в Китае?

Ху Шули:

Большое спасибо, я приветствую всех. Мне бы хотелось отметить, что концепция развития среднего класса признана во все мире. Однако в Китае она не так популярна и упоминается не так часто. В нашей стране мы чаще говорим о «местном населении», «сельском населении» и «городском населении», — и сегодня большинство представителей среднего класса проживают именно в городах. Поэтому, говоря о среднем классе, мы не можем не упомянуть об урбанизации. По сути, это одно и то же. Мне кажется, что говорить о среднем классе не так-то просто. Для китайцев первая сложность заключается в том, чтобы дать определение этому термину. Некоторые устанавливают принадлежность к классу по уровню дохода, другие — по особым параметрам, среди которых — наличие собственности и уровень образования. Я стараюсь применять оба подхода. Если отнести к среднему классу людей, зарабатывающих в три раза больше среднего уровня ВВП на душу населения в Китае, при этом исключить из их числа 10% самых богатых и убедиться в том, что все оставшиеся владеют собственностью, то мы получим цифру 250 миллионов. Таким образом, численность среднего класса в Китае составляет 250 миллионов человек. Но поскольку в стране существует разница между городским и сельским населением, то нужно также иметь ввиду соответствующие пропорции: к среднему классу относится 38% городских жителей — хороший показатель, однако это лишь 18,5% от общего числа населения. Таким образом, число представителей среднего класса в городах велико, но при этом большинство жителей Китая пока имеют низкий доход (то есть ниже среднего), и их следует отнести к низшему среднему классу.

По словам новых лидеров Китая, они планируют увеличить процент среднего класса, а также повысить качество жизни его представителей. Что касается доходов, то на съезде Коммунистической партии Китая было дано обещание удвоить доходы населения к 2020 году, то есть в течение семи лет. Повышение качества жизни лидеры государства видят в улучшении условий проживания, работы и здравоохранения, в заботе об окружающей среде, а также в создании надежной системы социального обеспечения,

доступной каждому. Решение этих задач крайне важно для развития среднего класса. Но при этом возникает серьезная трудность. Если первый этап урбанизации в Китае заключался в том, чтобы превратить сельские земли (но не жителей) в площадку для создания городов, то следующая задача, которую предстоит решить Китаю, — это урбанизация населения. Это значит, что людям нужно либо мигрировать в города и иметь возможность жить в них по стандартам среднего класса, либо становиться средним классом самостоятельно. Сезонная миграция не приводит к урбанизации, следовательно, не происходит и увеличения среднего класса. Сегодня в Китае мы стоим перед сложной задачей урбанизации населения: рабочие мигранты должны иметь возможность селиться в городах, проходить профессиональную подготовку, а также свободно распоряжаться заработанными деньгами. Урбанизация населения — это важная составляющая прироста среднего класса. Расширение возможностей и профессиональных навыков его представителей может, в свою очередь, способствовать продвижению Китая вверх по цепочке наращивания стоимости в производстве. Мы и так потеряли слишком много времени и больше не можем ждать: рост среднего класса в Китае абсолютно не сбалансирован. Есть и другие важные аспекты, о которых мы задумывались в последние годы, но сейчас я бы хотела особо подчеркнуть важность урбанизации и достижения баланса.

Ч. Робертсон:

Спасибо. Господин Катырин, было бы интересно услышать Ваше мнение о развитии среднего класса в России.

С. Катырин:

Думаю, что не только в России, но и во всех странах БРИКС — а может быть, и в некоторых других странах — средний класс в ближайшее время станет доминирующей силой, которая будет во многом определять действия и политиков, и бизнесменов. Думаю, практически каждый из сидящих здесь скажет, что сегодня в его стране уровень образования,

медицинского обслуживания и многое другое определяются требованиями, которые предъявляет средний класс. Это является стандартом, на который должно ориентироваться — и зачастую ориентируется — правительство.

Сегодня в странах БРИКС средний класс составляет порядка 20% населения. Если его не устраивает уровень медицинского обслуживания, уровень образования и многое другое, то получается, что вся экономическая деятельность ведется по вахтовому методу. Представители среднего класса, заработав деньги, желают их грамотно потратить. Потратить их в своей стране, где нет адекватного образования или адекватной медицины, они не могут. Что мы имеем в итоге? Дети этих людей учатся за рубежом, медицинское обслуживание представители среднего класса и члены их семей стараются получать за рубежом, отдыхать они стараются за рубежом. В свою страну они приезжают только на вахту — зарабатывать деньги.

Если политики, бизнесмены, правительство не будут реагировать на это должным образом, то мы получим вахтовых работников, которые приезжают, получают деньги и уезжают тратить их в другие страны. Как правило, у этих людей есть собственность за рубежом, иногда даже не в одном месте. Это не огромные яхты или острова, но все же собственность, которую они в свободное от работы время используют.

Это достаточно серьезный вызов. И если экономика не будет работать на средний класс, не будет его обслуживать, у нас появятся провалы.

Безусловно, нет такого, что все россияне едут, например, отдыхать только в Испанию или куда-нибудь еще. Где-то что-то становится лучше или хуже, и люди перемещаются то в одно, то в другое место, чтобы получить медицинское обслуживание, приобрести собственность, провести отдых. Но сам этот процесс, в котором участвует средний класс, идет по всему миру. Во многих странах серьезно размышляют над тем, как реагировать на такие вызовы, как улучшать образование, медицинское обслуживание и многое другое. Если вы сейчас посмотрите на правительственные программы, действующие, например, в странах БРИКС, то обнаружите, что в

подавляющем большинстве они сориентированы на то, чтобы адекватно ответить на эти вызовы и удовлетворить средний класс.

И еще один немаловажный, а может быть, и наиболее важный фактор: политический. Средний класс всегда был классом собственников и являлся стабилизирующей силой в политике. Когда есть эта середина, инертная масса, маятнику не дают качнуться до конца — ни вправо, ни влево. Эта масса его всегда удержит. Существуют люди, которым есть что терять и в своей стране, и за рубежом, и они всегда будут бороться за достижение стабильности. Стабильное положение может быть зафиксировано немного правее или немного левее центра, но, так или иначе, стране нужна стабильность — стабильность в политике, стабильность в экономике.

Хочу закончить на том, с чего начал. Я думаю, что в ближайшее время доминирующей силой в большинстве стран будет как раз средний класс. Спасибо.

Ч. Робертсон:

А сейчас мы, наверное, можем перейти к Сергею Борисову. Мы как раз говорили о стабильности, к которой стремится средний класс, но Вы считаете, что средний класс должен быть предприимчивым, идти на риск, быть амбициозным и напористым. Мне интересно, что Вы можете нам рассказать.

С. Борисов:

Спасибо, Чарли.

Мы в России часто упражняемся, пытаюсь сформулировать понятие среднего класса. Думаю, нам будет сложно выработать единое понятие для стран БРИКС: у нас проводится разная ценовая политика, различаются климатические условия. Кому-то нужна шуба, кому-то не нужна. Потребности неодинаковы. Но все-таки в общем плане можно сказать, что представитель среднего класса — тот, кому хватает на жизнь, на собственное образование и образование детей, на отдых; желательно,

чтобы были машина и компьютер. Вот тот минимум, который определяет достаток.

В России численность среднего класса растет. Не могу сказать, что она растет быстро, но в начале перехода к рыночной экономике средний класс составлял менее 20% всего населения, а сейчас, по оценкам экспертов, это около 30% населения. Еще 10% — это богатые. Остальные 60% — те, кто не относится к среднему классу и богатым. Примерно 15 миллионов человек у нас живут за чертой бедности, что очень опасно для экономики, для страны в целом, для национальной безопасности. У нас достаточно высок децильный коэффициент, показывающий разницу в доходах между бедными и богатыми, — порядка 15—16. Для сравнения: в Германии он составляет около шести, а в скандинавских странах — три-четыре. Эта тенденция опасна для России.

Я много занимался темой малого бизнеса, десять лет возглавлял крупнейшую в России организацию малого бизнеса. Мне приходилось встречаться с экспертами из многих стран мира. Один очень интересный человек в разговоре со мной как-то раз заметил: «Скажи мне, какой у вас малый бизнес, и я скажу, какой у вас средний класс». Малый бизнес — это основное занятие среднего класса в любой экономике. Он приводит в движение все остальное. Сергей правильно сказал, что отношение к врачам будет более основательным и требовательным, если средний класс будет устойчивым.

Малый бизнес по своей сути является инновационным. Если созданы нормальные условия для конкуренции, малый бизнес конкурирует за заказы, за место под солнцем и создает спрос на образование. Значит, есть спрос на качественное образование, и деньги поступают в образовательный сектор. Чтобы мой бизнес был устойчивым, я должен быть здоровым: я обращаюсь к докторам и плачу им больше. Значит, и в этих секторах растет численность среднего класса.

Наш средний класс еще не вполне устойчив, поскольку пополняется в том числе за счет тех, кто работает в сырьевой отрасли. В России есть признаки «голландской болезни», есть нефть, гуляют доллары. И это тоже

достаточно опасная ситуация: если упадет стоимость нефти или газа, то деньги, которые раньше поступали из сырьевого сектора, не будут пополнять бюджеты семей из среднего класса.

В том, что касается малого бизнеса, мы, к сожалению, не достигли больших высот. Правда, за прошлые десять лет он вырос приблизительно на 37% и сейчас дает примерно 23% ВВП. Я знаю, что в других странах БРИКС этот показатель значительно выше, не говоря уже о развитых странах. Если говорить о занятости, то в малом бизнесе занято 25% работающих. Но мудрые люди говорят, что главное — не состояние, в котором ты находишься, а направление, в котором ты движешься. У нас неплохие институты, неплохие законы, неплохая налоговая система, хотя мы сделали несколько ошибок при создании пенсионной системы, нанеся ущерб малому бизнесу. Сегодня мы можем прямо сказать об этом. Таким образом, будущее среднего класса России я во многом связываю со стремительным развитием малого и среднего бизнеса.

Спасибо.

Ч. Робертсон:

Это похоже на то, о чем упомянул господин Магнус в разговоре о влиянии частного сектора. Он будет одной из составляющих роста, а малые и средние предприятия будут частью этого процесса. Дискутируя о трудностях и возможностях, мы коснулись темы образования. Об этом уже шла речь на одной из конференций в начале года: Анатолий Чубайс тогда сказал, что он больше обеспокоен отъездом образованных людей из России, нежели оттоком капитала. Для него это действительно повод для беспокойства. Я изучил статистические данные по грамотности. В России дела с этим обстоят хорошо, грамотность населения составляет 100%, и это отличный показатель — лучший среди стран с формирующимся рынком. Однако, несмотря на то, что россияне образованы лучше граждан большинства стран с формирующимся рынком, число научных журналов и новых научных публикаций за последние 20 лет только сократилось. Создается впечатление, что сфера образования испытывает дефицит

инвестиций. Это прямо противоположно ситуации в Индии и Китае, где число профессиональных и научных исследований растет колоссальными темпами. Значит, правительства этих стран лучше вкладывались в образование — по крайней мере, на начальном этапе. Именно поэтому мне интересно услышать Ваше мнение об образовании, а также о долгосрочных перспективах в сфере пенсионного и социального обеспечения.

Я считаю, что в настоящий момент пенсионные выплаты в Индии и Китае находятся на крайне низком уровне. Однако по мере того, как страны становятся богаче, пенсии должны расти, и если дела в экономике идут хорошо, правительство увеличивает расходы. Мы уже наблюдали это в Корее. Несколько месяцев назад там прошли выборы, и дама, победившая на них, получила большинство голосов благодаря своим обещаниям улучшить социальное обеспечение, увеличив статью расходов. В Европе это уже стало причиной проблем, но теперь мы столкнулись с подобной ситуацией и в России. Владимир Путин значительно увеличил расходы на выплату пенсий. Здесь нас волнуют два вопроса. Мне хотелось бы услышать Ваше мнение о состоянии дел в российском образовании в целом и о том, какие шаги можно предпринять для его улучшения. Я также прошу Вас высказаться на пенсионную тему. Позвольте вернуться снова к Сергею, поскольку он говорил об этом, а затем я передам слово господину Магнусу, который сможет рассказать о ловушке среднего дохода и о прочих связанных с ней вещах.

С. Катырин:

Раньше говорили, что в России — две беды, я дальше не буду досказывать: те, кто читал Гоголя, это помнят.

Если говорить о науке, сегодня, с моей точки зрения, у нас одна беда. В советское время существовал Государственный комитет по науке и технике (ГКНТ), главной задачей которого было внедрение научных разработок, превращение изобретения в конкретный продукт. Тогда это очень не здорово получалось. У нас было много фундаментальных разработок в отраслях науки, связанных с обороной, и во многих других, но их внедрение

всегда происходило непросто. Сейчас, на мой взгляд, оно вообще не происходит. Это понимают, как мне кажется, все — и государственные руководители, и ученые. Поэтому представители фундаментальной науки, академических институтов серьезно размышляют над тем, как применить в промышленности то, что разработано в институте: иногда над такими разработками не один год трудится весь научный коллектив. Но, к сожалению, на сегодняшний день больших успехов мы не достигли.

Это главная проблема. Я не могу сказать (хотя и не являюсь в этом специалистом), что наша наука сильно отстала по каким-то направлениям. Наверное, есть какие-то области науки, где мы выглядим слабее, и такие, где мы выглядим сильнее всех наших конкурентов. Не могу сказать, что вся наша наука просела, что нет ученых, что никто ничего не изобретает и так далее. Мне кажется, главная проблема, стоящая сегодня намного острее, чем раньше, — это внедрение разработок. Цепочек, которые позволили бы превратить изобретение в продукт, готовый к выходу на рынок, не было создано ни в советское время, когда все делалось силовыми методами, ни в нашей рыночной экономике. Думаю, что отсутствие этих цепочек — одна из причин того, что все больше и больше ученых уезжают за рубеж. Я хочу подчеркнуть, что ученые не только уезжают за рубеж и пытаются реализовать себя там, но и увозят туда свои идеи. Многие даже не уезжают туда, а просто реализуют свои идеи там, понимая, что это можно сделать быстро и заработать на своем изобретении серьезные деньги. Сегодня это можно делать, находясь в России. Все чаще и чаще мы видим, что изобретения российских ученых, молодых или не очень молодых, превращаются в конечный продукт за пределами нашей страны.

В науке наверняка есть и многие другие проблемы: организационные, финансовые и прочие, — но я бы поставил на одно из первых мест проблему внедрения. Если мы не научимся этого делать, то, какая бы великолепная наука у нас ни была, зарабатывать люди поедут туда, где их идею могут реализовать быстро, эффективно и, по возможности, с небольшими издержками для них.

Если говорить о пенсиях, то период сейчас непростой; я все это не буду комментировать. У нас идут жесткие — я бы даже сказал, жестокие — баталии. Некоторые меры, которые в предыдущий период принимались в отношении малого бизнеса, как уже сказал Сережа, были крайне неудачными. Они отбросили нас назад — не столько даже в материальном плане, сколько в моральном. Можно увести человека из легального бизнеса в тень всего за один день, приняв такое решение. Чтобы эти люди вышли из тени, вновь привыкли работать по правилам, отчитываться, сдавать налоговые декларации, заполнять документы, — для этого иногда требуется не один десяток лет. Как мне кажется, мы сами нанесли себе большой урон.

Но пенсионная реформа будет продолжаться, и найдется какая-то золотая середина — решение, которое позволит использовать пенсионные деньги. Вы знаете, что для нас большой проблемой является отсутствие дешевых и длинных денег: я говорю о российской экономике в целом, а не только о пенсионной системе. Наверное, будет способ задействовать этот инструмент, крайне необходимый для экономики.

Спасибо.

Ч. Робертсон:

Хочу отметить одну вещь. Я ознакомился со статистическими данными по российскому образованию и обнаружил, что Россия подарила миру больше нобелевских лауреатов, чем Китай, Индия, Бразилия и ЮАР вместе взятые. Интеллектуальное наследие России уникально. Но ситуация меняется, и другие страны уже наступают России на пятки. Три последних российских нобелевских лауреата уехали из страны: это то, о чем говорил Сергей. Но вернемся к Вам.

С. Борисов:

Действительно, в России население исторически является образованным: тяга к знаниям у нас, наверное, в крови. Базовое школьное образование идет с советских времен, со времен плановой экономики. Что-то мы

потеряли с тех пор, что-то приобрели: например, навыки существования в рыночной экономике. Но самую большую проблему сегодня, особенно для среднего класса, для малого бизнеса, представляет недостаточная востребованность знаний и потенциала тех людей, которые могли бы стабильно пополнять средний класс и идти в малый бизнес.

У нас есть неплохая система базового образования, но нет системы распространения специальных знаний, необходимых в условиях рынка. Наша «ОПОРА РОССИИ» ежегодно проводит опрос предпринимателей. Мы задавали им такой вопрос: «Что в первую очередь мешает развитию Вашего бизнеса?» Кое-кто, особенно из числа наших гостей, подумает, наверное, что это административные барьеры, бюрократия. Такие высказывания традиционно звучат уже много лет. Это отчасти соответствует действительности, но данный фактор уже не является приоритетным. Сегодня предприниматели в один голос утверждают, что самая большая проблема — это недостаток подготовленных кадров, людей, способных хозяйствовать в условиях конкуренции, в условиях рынка: об этом говорят 47% предпринимателей. На втором месте — налоги, и я дальше скажу, какие именно. На третьем месте — доступ к капиталу.

Если говорить об инновационном бизнесе, то у нас не хватает навыков коммерциализации разработок, мы не научились создавать эти цепочки. У нас еще нет знаний, необходимых для работы в маленькой производственной компании, потому что таких компаний, к сожалению, очень немного.

О пенсиях: никто не спорит с тем, что пенсии должны быть достойные. Мы в России считаем, что наши старики должны получать достойную пенсию. Но мы не должны ставить телегу впереди лошади. Сначала эти деньги нужно заработать: заработать всем миром, всей страной, используя наш колоссальный потенциал. Чтобы все поняли, о чем говорил Сергей, расскажу, в чем состоит наша ошибка, о которой предприниматели говорили еще два года назад, до введения этих мер. У нас подсчитали сумму, которую нужно получить с рынка и направить в пенсионную систему, и назначили каждому предпринимателю не относительную ставку,

например, 20—30% от дохода, а абсолютную. Если ты не можешь выплатить эту фиксированную сумму, ты — не предприниматель. За последние несколько месяцев у нас в стране ликвидировали свой бизнес около 600 тысяч индивидуальных предпринимателей. Это ошибочный и опасный способ пополнения пенсионного фонда. Мы просто сократили средний класс и увеличили теневой сектор экономики.

Ч. Робертсон:

Вначале я бы хотел предоставить слово господину Магнусу: он исследовал феномен ловушки среднего дохода и изучал страны, сталкивающиеся с ограничениями образовательного бюджета и затрат на социальное обеспечение. Думаю, это имеет прямое отношение к Индии и Китаю.

Дж. Магнус:

Хочу еще раз остановиться на том, о чем я говорил еще в начале сессии: когда вы становитесь богаче, некоторые вещи перестают иметь для вас значение. Очевидно, что БРИКС — это группа несопоставимых стран. У них мало общего. По среднему доходу Бразилию и Россию можно отнести к странам с высоким средним доходом, Индию — к странам с низким средним доходом, а вот Китай находится где-то посередине. И по мере того, как страны богатеют, они начинают по-другому смотреть на вещи. К наиболее важным аспектам, в сторону которых происходит сдвиг экономики, относятся предпринимательство, инновации и развитие интеллектуальных технологий. В жизни есть такие поступки, которые можно совершить лишь однажды. Например, можно лишь один раз вступить во Всемирную торговую организацию (ВТО). Россия присоединилась к ВТО совсем недавно, и, возможно, поэтому некоторые преимущества от этого вступления Россия ощутит позже, как это было в случае с Китаем. Но повторюсь: стать членом подобной международной организации можно лишь раз в жизни. Вы можете перейти с низкопроизводительной сельскохозяйственной деятельности на высокопроизводительное промышленное производство, можете урбанизировать 80—90% населения

или зачислить в школы 90% детей, — однако все это можно сделать только один раз. Если вы уже с этим справились, то нужно становиться умнее и находить способы повышения эффективности работы всех государственных институтов.

Мы затронули несколько наиболее важных областей: образование, социальная сфера и инновации (или НИОКР). Отдавая должное достижениям стран БРИКС и других стран с формирующимся рынком за последние 20 лет, нам необходимо помнить о том, что их дальнейшее развитие будет идти так же сложно, как и раньше, если не сложнее. Если мы возьмем в качестве примера сферу образования, то увидим, что уровень зачисления после школы в высшие учебные заведения (университеты и технические институты) в странах «Большой семерки» составляет 65%, в Азии — около 30%, а в Латинской Америке — около 40%. Поэтому предстоит еще многое сделать, чтобы выйти на уровень развитых стран, а это потребует продуманных решений для привлечения молодежи в высшие учебные заведения. Также необходимо заранее разработать учебные программы для поступивших. Нет смысла плодить выпускников с дипломами и сертификатами, если они не будут приносить пользу в рамках выбранного экономического курса или модели.

То же самое касается инноваций и НИОКР. Господин Робертсон, Вы упомянули данные статистики по научным работам. Очевидно, что многие исследования в конечном итоге приводят к оформлению патентов, и, насколько мне известно, по данным Бюро по регистрации патентов и торговых марок США, по числу новых патентов первое место занимает Китай. На самом деле значение имеет не количество патентов, а число цитирований в других дисциплинах или в той же дисциплине. В этом сегменте тоже предстоит решить массу проблем: мы сталкиваемся и с плагиатом, и с копированием. Также мотивацией для написания научных работ отнюдь не всегда является стремление ученых к новым знаниям. Кроме того, у США и некоторых богатых стран Европы все еще есть большое преимущество: достаточно посмотреть на то, какой процент от ВВП они тратят на НИОКР. Теперь перейдем к вопросу социального

обеспечения. В Китае этот показатель все еще находится на крайне низком уровне — около 7% ВВП по сравнению с 17% ВВП в Бразилии и в России. Но даже показатель 17% является самым низким среди стран ОЭСР, где минимальным уровнем затрат на социальное обеспечение является 21—22% от ВВП. Так где же найти средства, особенно странам со стареющим населением? В России и Китае (я называю такие страны «зайцами», поскольку, в отличие от «черепах» глобальной демографии, их население стареет очень быстро) пенсионные затраты и расходы на здравоохранение стремительно растут. Это связано с быстрыми темпами старения населения, при этом его возрастная структура увеличивается. Как же все это оплачивать? Лучшего решения, чем создание в экономике динамичной, диверсифицированной отраслевой структуры, ориентированной на производство, я еще не встречал. В Китае она уже существует, однако в других странах БРИКС и в странах с формирующимся рынком производству не хватает интенсивности.

Поэтому когда речь идет о том, как позволить себе лучшее образование, как тратить больше на социальное обеспечение и как повысить качество жизни среднего класса, необходимо с самого начала понимать, по какому пути развиваются ваши промышленность и экономика. Соответствует ли ваша экономическая модель тем результатам, которых вы хотите достичь в ближайшие 10, 15 или 20 лет? Думаю, нам предстоит найти ответы на множество вопросов.

Ч. Робертсон:

У меня есть еще один вопрос, на который я бы хотел получить ответ, а затем мы предоставим возможность присутствующим в зале задать свои вопросы.

С. Катирин:

Дополню то, что сказал профессор. Внедрению инноваций в той или иной стране во многом препятствуют недостатки базовых институтов. Если говорить о России, то низкий уровень конкуренции, а в некоторых отраслях

— ее отсутствие делают все эти инновации невостребованными на рынке. Нет рынка инноваций, некому продавать эти инновации, потому что инновации внедряют там, где хотят победить в конкурентной борьбе. А если конкурентной борьбы нет, зачем их покупать и внедрять? Это исторически сложившееся препятствие, пока еще не преодоленное нами. Чем выше конкуренция, тем больше возможностей для внедрения инноваций.

Спасибо!

Ху Шули:

Я думаю, что средний класс Китая предъявляет высокие требования к качеству жизни, особенно с точки зрения образования и социального обеспечения. Но мне хочется обратить внимание на несколько особенностей, характерных для представителей нашего среднего класса. В последние годы китайская экономика развивалась очень высокими темпами, однако этот процесс сопровождался мощным негативным воздействием на окружающую среду. Поэтому сейчас средний класс Китая чувствительно относится к вопросам сохранения природы. У его представителей появляются более высокие требования, отличные от тех, что были ранее, к условиям жизни и новым проектам, реализуемым в городах. В большинстве регионов страны происходили конфликты с населением на почве экологии. Это первый аспект, на который я хотела бы обратить внимание.

Во-вторых, бурное развитие Китая происходит неравномерно: прибрежные регионы более благополучны, чем материковые. Представители среднего класса весьма восприимчивы к такому неравенству, которое приводит к увеличению разрыва доходов между богатыми и бедными. Остро чувствуя этот дисбаланс, средний класс не только требует соблюдения своих прав, но и ратует за доверие и социальную справедливость. Это основная группа людей, которая поддерживает коренные изменения в данной сфере и выступает за рост благосостояния.

Третий аспект — это осведомленность среднего класса в сфере имущественных прав. В последнее время в Китае было зафиксировано

несколько случаев мошенничества с собственностью. Конфликты, сопровождавшие ряд сделок по владению недвижимостью, объединили представителей среднего класса, недовольных текущим положением вещей.

Отмечу также четвертый аспект. Основными пользователями сети Интернет являются представители среднего класса. Несмотря на то, что Китай является однопартийной страной, в которой существуют некоторые ограничения свободы слова, китайскому среднему классу помогает именно глобальная сеть. Недавно у нас появилась площадка для микроблогов, позволяющая представителям среднего класса высказываться напрямую. Благодаря микроблогам уже 200 миллионов человек получили возможность поделиться своим мнением с окружающими. Для Китая это особый коммуникационный канал, с помощью которого можно услышать голос среднего класса, а также найти ключ к пониманию запросов и ценностей его представителей.

Ч. Робертсон:

Спасибо. Господин Банерджи, перед тем, как я предоставлю Вам слово, я хотел бы задать свой последний вопрос, после чего мы перейдем к вопросам из зала. Несколько лет назад я опубликовал в *Renaissance* научный отчет, посвященный демократизации. Основное наблюдение заключалось в следующем: как только страны становятся богаче, они становятся демократическими. Я сделал такой вывод не потому, что работал на Прохорова. Причина в том, что это определение кажется мне абсолютно точным. Исключение составляют лишь страны, экспортирующие много нефти, поэтому Саудовская Аравия или Кувейт — это совсем другая история. Есть еще одна взаимосвязь: страны не только становятся на путь демократии, в них также снижается уровень коррупции. Для бедных стран коррупция является серьезной проблемой. Об этом свидетельствуют данные опросов, проведенных Transparency International в бедных странах, в том числе в Индии. Однако по мере того, как страны богатеют, средний класс требует все большей прозрачности. Подобное развитие событий мы

наблюдаем в Индии в последние год или два: результатом этого процесса явились крупные коррупционные скандалы. Эти тенденции также заметны в Китае, где позиции среднего класса еще сильнее, и его представители также выступают против коррупции. Антикоррупционная кампания проводится и в России. Давайте начнем с Индии. Пожалуйста, расскажите нам об образовании и о пенсиях, но нам было бы интересно также услышать Ваше мнение о среднем классе: в чем Вы видите его силу и каково его влияние на политическую ситуацию в Вашей стране?

Ч. Банерджи:

Позвольте мне начать с образования и пенсий, а затем я отвечу на Ваш вопрос. В течение последних нескольких лет мы стали свидетелями изменений, произошедших в политике государства в отношении образования. Усиление роли государства произошло отчасти под давлением среднего класса. За последнее десятилетие возросло количество студентов высших учебных заведений: это прямой результат активных мер, включающих строительство новых колледжей, удвоение числа технических институтов, а также рост числа профессиональных учебных заведений. Но есть один факт, на котором я хотел бы остановиться подробно: сегодня в образовательном секторе Индии мы наблюдаем развитие государственно-частного партнерства, призванного решить проблемы в этой сфере. В этот процесс активно вовлечен и частный сектор, и участие частных компаний в сфере образования — очень позитивный момент. С одной стороны, частный сектор занимается профессиональной подготовкой, а также участвует в приватизации существующей государственной системы образования. С другой стороны, в этой сфере появляются модели на базе государственно-частного партнерства, которые призваны решить проблемы обучения, столь актуальные для сегодняшней Индии.

Перейдем к социальному обеспечению. На сегодняшний день схема регулирования пенсионных начислений в нашей стране налажена очень хорошо: нами разработаны соответствующие законодательные механизмы.

Нужно также учесть тот факт, что средний класс тратит на текущие расходы порядка 50% заработанных средств, остальные же 50% переходят в сбережения. Поэтому движущими силами экономического роста Индии являются уровень доходности сбережений и вновь появившиеся институты, предоставляющие населению различные сберегательные схемы. При этом частный сектор все активнее выходит на финансовый рынок. В результате выбор сберегательных схем у частных лиц сегодня гораздо больше, чем в предыдущие годы. Как видите, у нас произошли значительные изменения, но, в то же время, нам сейчас необходимо достичь баланса с точки зрения соответствия запросов среднего класса в отношении социального обеспечения. В отсутствие некоторых видов социального обеспечения, мы столкнулись с определенными трудностями работы законодательных механизмов. Нам потребуется время, чтобы их разработать.

И здесь мы подходим к третьему пункту — коррупции и способам решения этой проблемы. Думаю, сейчас мы переживаем период введения жестких краткосрочных мер для достижения стабильности в долгосрочной перспективе. В то же время, мы заметили некоторые подвижки в обществе, в том числе возникающие дискуссии о необходимости финансовой прозрачности в различных областях. Требования отчетности — не только от органов государственной власти, но и от всех институтов — звучат все громче, и эта инициатива исходит от среднего класса. Причина в том, что основу этого класса составляет молодежь. Мне это представляется чрезвычайно важным, поскольку может иметь последствия для политической системы и общественного строя. Также необходимо понимать, что это требование выдвигается средним классом осознанно, а действия его представителей весьма эффективны. Думаю, эта тенденция будет определяющей для будущего Индии.

Дж. Магнус:

Я только хотел сказать, что все это звучит очень оптимистично. Надеюсь, Вы окажитесь правы. Тем не менее, один известный индийский обозреватель (к сожалению, не могу сейчас вспомнить его имени) говорил о

деградации государственных институтов как о причине неудач Индии на пути диверсификации экономики, создания новых рабочих мест, сильного государственного управления, необходимой инфраструктуры и прочего. Думаю, Вы правы, и у нас есть надежда, что растущий средний класс будет требовать политических изменений, но мы не знаем, сколько на это уйдет времени. Мне кажется, необходимость политических реформ — будь то в Индии или, как отметила госпожа Ху, в ее стране — сейчас ощущается особенно остро. Без преобразований страны очень быстро попадут в ловушку среднего дохода. Возможно, для Индии это не столь близкая перспектива, поскольку это более бедная страна. Но это вполне реально.

Ч. Робертсон:

Кто-то еще желает что-нибудь добавить? Понимаю, что мы подошли к волнующим теме — политическим вопросам, но если кто-то хочет еще о чем-то спросить, пожалуйста, поднимайте руку. Вижу несколько желающих в первых рядах.

Р. Бельтран:

Добрый день, меня зовут Рубен Бельтран, я посол Мексики в Российской Федерации. Позвольте поздравить участников сессии. Конечно, дискуссия была сфокусирована вокруг стран БРИКС, но было бы хорошо, по моему мнению, получить представление о ситуации в других странах с формирующимся рынком с точки зрения дохода, инвестиций в науку, образование и технологии, а также с точки зрения развития демократических институтов и других освещенных вами аспектов. Большое спасибо!

Ч. Робертсон:

Есть еще одна поднятая рука. Прошу Вас, впереди, джентльмен в сером костюме.

Из зала:

Ямало-Ненецкий округ, Новоуренгойское отделение «ОПОРЫ РОССИИ».

Итак, на повестке дня стоит вопрос: какие меры — понятно, с какой именно целью, — должны принять государство и деловое сообщество? Ответ на него и хотелось бы услышать. Какие меры должно принять государство, и что должно сделать деловое сообщество?

Мое мнение, если коротко, таково: государство не должно мешать деловому сообществу, должно спрашивать с него, но одновременно и выслушивать его. Спасибо!

С. Катырин:

А деловое сообщество должно спрашивать с государства.

Ч. Робертсон:

Спасибо. Господин Банерджи, я могу снова предоставить Вам слово, если Вам есть что добавить.

Ч. Банерджи:

Одной из сильных сторон Индии — и это повод для оптимизма — является то, что у нас сильные демократические институты. Это позволяет нам надеяться, что мы сможем реагировать на требования гражданского общества, которые (как было справедливо отмечено) исходят в основном от представителей среднего класса. Это касается вопросов управления, социальной сферы, и особенно вмешательства государства. У нас, безусловно, достаточно «шумная» демократия, что иногда приводит к принятию множества решений и одновременно замедляет процесс. В поисках правильного решения крайне важно, чтобы оно прошло через все слои общества, через систему сдержек и противовесов до того, как будет создан соответствующий законодательный механизм. Думаю, в Индии этот процесс сейчас уже носит официальный характер, что дает повод для оптимизма. С моей точки зрения, это будет важным фактором развития страны в дальнейшем.

Ч. Робертсон:

Принимая во внимания недавние демонстрации в Китае, а также в России в декабре 2011 года, считаете ли Вы, что именно давление среднего класса привело к созданию антикоррупционных правительственных программ в этих странах? Стал ли этому причиной средний класс?

Ху Шули:

Да, я думаю, что именно средний класс явился причиной создания таких программ. Для среднего класса темы честности и справедливости являются весьма чувствительными. Это их ценности. Антикоррупционные кампании, а также справедливое отношение к бедным слоям населения являются частью процесса улучшения страны. Поэтому мой ответ: да.

С. Катирин:

Если Вы имеете в виду Болотную площадь, то я думаю, что это не очень связано с коррупцией: скорее, не устроили итоги выборов. Но это всегда так бывает: кто-то доволен выборами, кто-то недоволен. Правда, я думаю, что какие-то процессы, происходящие в стране, наверное, многих привели на эту площадь.

Первое: если говорить о коррупции, то мне кажется, что прямой путь, ведущий к победе над ней, — непростой, долгий, но прямой — подразумевает обеспечение прозрачности всех процедур, указанных в законах и подзаконных актах. Каждый сидящий здесь россиянин, думаю, знает, что, кроме официальной коррупции, есть еще так называемая неофициальная, когда мы приносим воспитателю детского сада коробку конфет, приносим торт учительнице в школу, приносим подарки преподавателю вуза. Это у многих уже в крови. Каждый должен знать, что за его, условно говоря, 100 рублей ребенок в восемь утра уйдет в детский сад, и ничего не надо давать, никаких шоколадок: надо только забрать его оттуда в 17:00. Вот, наверное, один из способов борьбы с коррупцией. Это зло существует повсюду в мире, но в разных местах проявляется в большей или меньшей степени.

Второе: я говорил о подзаконных актах, но главное — это законы прямого действия, когда нет отсылочных норм, когда не сказано, что такая-то процедура размещения заказа будет установлена министром, главой ведомства или еще кем-то. Такие отсылки — прямой путь к коррупции, и их не должно быть в законодательстве. Не могу сказать, что мы сразу же победим коррупцию, когда примем такие законы, но, во всяком случае, эту практику надо серьезно сокращать.

И третье: когда говорят о коррупции, всегда упоминают о каких-то чиновниках, якобы неизвестно откуда взявшихся на нашу голову. В коррупционном процессе участвуют как минимум две стороны: тот, кто дает, в том числе здесь сидящие, и тот, кто берет. И если с этим не будут бороться обе стороны, маловероятно, что победит кто-то один.

Спасибо!

С. Борисов:

Я однозначно провожу связь между демократизацией и становлением среднего класса, ростом малого бизнеса. Когда человек занят и у него есть свое дело, он хочет его развивать. Он, конечно, проявляет ответственность, его трудно сбить с толку, он, как правило, не участвует в политических интригах. Он не хотел бы, чтобы демонстранты били его витрины, разоряли его магазины. И наоборот, если человек не занят, если он болтается без дела, если он не нашел себя, если государство не помогло ему раскрыть его способности, то, конечно, он политизирован излишне. И он является хорошим планктоном для экстремизма. Было сказано, что на Болотной площади, скорее всего, не было предпринимателей. Но можно вспомнить, что после ликвидации малых форм хозяйствования, большого количества ларьков, маленьких магазинчиков многие предприниматели в Москве стали задаваться вопросом: что дальше делать, куда идти? На этот вопрос нет ответа. И вот здесь государство должно было сказать свое слово: дать образование, предоставить стартовые возможности для чего-то другого и так далее.

О коррупции: у страха глаза велики. У нас высокий уровень коррупции, но все-таки мы начали создавать правильные институты и механизмы. Так, например, мы — я имею в виду бизнес-сообщество — настояли на создании великолепной системы, позволяющей давать оценку регулирующего воздействия. Без нашего решения сейчас не принимаются, даже на первоначальном этапе, разработки, не проходят законы. Мы ставим фильтры, угадываем коррупционные возможности и уловки, которые скрыты в законопроектах.

Семь-восемь лет назад коррупционная составляющая равнялась 10% от выручки среднестатистического малого предпринимателя. Сегодня этот показатель равен 5%. Прогресс налицо, но 5% от выручки — это все равно громадная величина, поэтому нам есть над чем работать.

Дж. Магнус:

У меня один краткий комментарий, который одновременно является ответом. Оба Сергея ответили на этот вопрос более красноречиво, чем я, но ответ, который сразу пришел мне в голову, — это верховенство закона. Вы спрашиваете, какие меры должно принимать государство в отношении недобросовестных деловых практик или коррупции. Во многих странах есть соответствующие законы, но если они существуют, то их надо применять, а не просто признавать их существование. Другими словами, кто бы ни стоял у власти, кто бы ни руководил государством, именно он оказывает влияние на судебную власть, а также на решение правовых и арбитражных вопросов. Я британец, и я не говорю, что у нас все идеально и что в западных странах отсутствуют проблемы коррупции и недобросовестного ведения бизнеса. Все это относительно. Господин Робертсон уже упомянул одно исследование — опрос Всемирного банка о ведении бизнеса (World Bank's Doing Business survey). Существует множество других исследований в сфере институциональных практик, которые формируют рейтинг стран в соответствии с качеством судебной системы, системы государственного управления и так далее. Один из путей (хотя и не единственный), который может привести к сокращению коррупции, — это создание сильной и

независимой судебной власти, при которой люди чувствуют себя защищенными и могут отстаивать свои права в суде. Знаю, что с моей позиции об этом легко говорить, но осуществить это сложно. Конечно, некоторые заинтересованные круги будут противодействовать этому процессу, но я считаю, что борьба должна продолжаться.

Ч. Робертсон:

Дамы и господа, позвольте в завершение озвучить несколько цифр. В 2003 году в Китае насчитывалось семь миллионов автомобилей. Сегодня в этой стране ежегодно продается 14 миллионов автомобилей, а общая численность парка составляет 20 миллионов машин. То есть в течение полугода здесь продают больше машин, чем их было во всей стране десять лет назад. В настоящий момент в Китае на тысячу жителей приходится в среднем 56 или даже 58 автомобилей. В Индии этот показатель равен 16. Мы считаем, что в следующем году Индию ожидает бум автомобилизации и индустриализации. Это увеличит силу среднего класса. Россия будет продавать среднему классу товары массового спроса, а также новые технологии в области Интернета и IT. Думаю, это хорошо, при условии, что странам удастся не попасть в ловушку среднего дохода, о которой нас предупредил Джордж Магнус. Правительствам следует разобраться с требованиями увеличить расходы и инвестиции в образование, не забывая при этом о поддержке малого бизнеса и предпринимательства. Это трудная задача, и впереди у нас пять-десять интересных лет.

Благодарю всех за участие, а наших экспертов — за интересный анализ. Спасибо.